

Сергей Кузнечихин

Обещали хорошую погоду

С первым рейсом Галина управилась ловко. В раннем полупустом автобусе доехала до деревни и по холодку дошла до своего поля, даже ведро картошки в рюкзаке не почувствовала, пожалела, что мало взяла.

Собственно, поле было уже не своё, а на месте её бывшего дома серели незажившие кучки земли и глины вокруг бетонного фундамента чужого коттеджа. В прошлый раз она останавливалась возле него, стояла, сдерживая слёзы, глядя, как покачиваются не убранные осенью высоченные мальвы, а теперь прошла мимо, даже голову не повернула, чтобы душу не травить. Некогда сопли разводить — надо было поскорее высадить картошку и возвращаться в город за новой порцией. Два дня назад она уже приезжала сюда на разведку, но земля была тяжёлая, липла к лопате. Вскопала сотку, высадила привезённое ведро. По горячке замахнулась на заделё, но быстро умаялась, не молодка уже, седьмой десяток разменяла. Спрятала лопату в бурьян на меже и пошла на остановку.

«Пазик» до деревни ходил четыре раза в день. Если опоздаешь, придётся топать три километра до трассы, где ходили междугородные, на которых пенсионное удостоверение не действовало и заставляли платить. Она рассчитывала до обеда воротиться в город и на двухчасовом привезти ещё ведро. Прохлаждаться и горевать было некогда. Утром даже «тормозок» не взяла, чтобы не тратить время на еду.

На лопату никто не позарился, да и кто полезет в заросли колючки собирать? Вытерла черенок сухой травой и принялась за дело. Побросала картошку в лунки на вскопанной земле, оставалось ещё на пару рядков. Посмотрела на часы и снова взялась за лопату. Успела высадить всё, что привезла, и была на остановке за десять минут до отхода. Присесть бы отдохнуть, да лавочку сломали — кому-то из новых дачников доска понадобилась.

Дома похлебала супчика. Есть не хотелось, но заставила себя. Когда пакет с картошкой ставила в выцветший рюкзак, неожиданно для себя увидела, какой он грязный, а боковые карманы изъедены мышами. Пока жили в деревне, она его не трогала, Василий с ним на рыбалку ездил, а в его хозяйство она не лезла. Как он оказался в городской квартире,

не помнила — наверное, дочь при переезде набила каким-нибудь барахлом. Утром, когда собиралась, не обратила внимания, а теперь глянула — и стыдно стало. Ехать по городу с таким рваньём — за бичиху могут принять, стыда не оберёшься. Помня, как утром легко добралась, взяла сумку и поставила в неё пакет. Потрогала на вес и добавила ещё пяток картошин, решив, что до остановки донесёт, не надорвётся.

Народу в автобусе сначала было много, но после поворота с трассы осталось три человека. Один был незнакомый, явно из дачников и по одежде, и по облику, а второй — Мишка Стрельников, их, деревенский. Он жил на другом конце села, но иногда заходил к её Василию по дороге с озера. Баба у него была злая и не любила чистить карасей. Когда рыбалка удавалась, Мишка не забывал поделиться уловом и отдавал отборный крупняк, вроде как от широты душевной, а на самом деле чтобы похвастаться, да и кости в мелочи не такие злые, как в больших карасях.

После смерти Василия он вообще зачастил к ней. Придёт, вывалит рыбу в таз и приглашает полюбоваться. А ей что оставалось делать? Благодарить за доброту и хвалить за рыбацкую ловкость. Как-то раз явился с початой бутылкой водки — видимо, заранее готовился к свиданию, а на озере принял для храбрости. Попросил, чтобы достала стопки и малосольных огурцов, которые у неё получаются лучше, чем у его бабы. Налил по края и себе, и ей и предложил помянуть Василия. — Добрый был мужик и честный. Разве что хитрецы не хватало, но хитрожопых у нас пруд пруди, а честных по пальцам пересчитаешь. И в политике разбирался, — глянул на стол. — А почему не допила? Неправильно. Или не любила Ваську?

— Любила.

— Тогда обязана.

Она допила, и он сразу налил по второй.

— А моя совсем запилела, домой неохота идти.

— Так за дело, поди, ты по хозяйству помогай, а не на озере просиживай.

— Помогаю, порядок поддерживаю. Грядки, что ли, полоть? Вся мужицкую работу делаю. Могу и тебе пособить. Трудно без Васьки-то?

— И трудно, и тоскливо. Даже поворачать не на кого.

— А чо ворчать-то?

— Да как не ворчать? Идёт по огороду, одуванчик под ногами желтеет, нет бы нагнуться и вырвать, пока не отцвёл и семена не разлетелись по полю,— перешагивает, словно не замечает, у него совсем другое в голове. Ворчала, а теперь допёрла, как трудно в доме без мужика.

Вздыхнула и сразу пожалела. Мишка понял её на свой лад. Подошёл со спины, руки на плечи положил, вроде как успокаивать собрался, а пальцы у же своевольничали.

— Пока Василий болел, стосковалась, поди?

— Ленивый был, но добрый, ни разу не ударил.

Мишкины пальцы не успокаивались. Ей пришлось встать, чтобы освободиться от его рук.

— Шёл бы ты к себе,— сказала, сдерживая голос.

Мишка сделал вид, что ничего не понял. Хватанул стопку, подержал бутылку в руке, кивнул сам себе и сунул её в карман.

— Ладно, пойду, пожалуй. Карасей-то почисти, а то пропадут,— взял с тарелки пару огурцов.— Хороши они у тебя, честное слово.

Но мялся, не уходил, ждал, что остановят.

Галина молчала. Давая понять, что разговаривать больше не о чём, начала убирать со стола. Мишка торопливо опрокинул в себя её нетронутую стопку и ушёл.

После этого перестал носить карасей.

Едва отъехали от перекрёстка, автобус остановился. Водитель вышел из кабины и открыл капот. — Всё, кранты, дальше не повезёт,— зло засмеялся Мишка.

— Не карчай!— оборвала Галина.— Ещё не доехали,— и, теряя уверенность:— Обязан вроде.

— Никому он не обязан, кроме своей жены.

— А зачем ему на пенсионеров бензин и время тратить? Они нас халявщиками зовут, сам слышал,— тоскливо проворчал дачник.

Если на Мишкину болтовню можно было не обращать внимания, то солидный мужчина добавил тревоги.

— Да как это не поедет? У него же работа...

— Сейчас заявит, что автобус сломался, и ничего ему не докажешь, ни в чём не уличишь.

— Да тут всего три километра осталось,— слабеющим голосом пробормотала она, переводя взгляд то на дачника, то на Мишку.

— А ему без разницы, три или пять. Я уже второй раз за сезон в подобную передрыгу попадаю.

Водителя из-за капота было не видно. Галина не утерпела и вышла из автобуса. Остановилась рядом, надеясь разжалобить.

— Ну как?

— Да никак,— огрызнулся, не поднимая головы.

Она не отходила, пытаясь заглянуть в мотор— будто контролировала.

— Ну что над душой стоишь? Эту рухлядь давно списывать пора.

Со злостью хлопнул капотом и закурил.

— А как же мы?— вырвалось у неё.

— Давай садись на закорки, и поташу тебя в деревню. Полгаража рухлядьё забито. Лагают, лагают, а толку никакого.

Бросил недокурную сигарету, а через минуту закурил новую. Стоял, повернувшись к ней спиной, и смотрел на трассу.

Мужики тоже вышли из автобуса. Оба с рюкзаками, у дачника ещё и пакет в придачу.

Когда отошли метров на сто, она оглянулась. Автобуса на дороге не было.

— Посмотрите, мужики, починил свою рухлядь.

— Я сразу сказал, что он темнит, а ты— не карчай, не карчай.

— Да что же такое творится: на автобусе десять минут, а пёхом, да ещё с сумкой... Где у него совесть?

— Хватились. Поздно вспоминать о совести. Кончилось строительство коммунизма. Не успели достроить.

— Это вам, городским, коммунизм раем казался, а у нас в деревне любая власть против крестьянина. Отец рассказывал про коллективизацию. И Галина из кулацкой семьи.

— Да знаю я, читал. Но люди всё-таки были добрее и стеснялись дурно поступать.

— Звереет народ, богатеет, кто как,— засмеялся Мишка и обернулся к Галине:— А покупатель твой так и не объявился?

— Ни слуху ни духу.

— Убили, скорее всего.

— Типун тебе на язык! Человек-то очень порядочным показался.

— Или посадили. Милиция не приходила?

— Нет.

— И наследники не беспокоят?

— Пока не объявляются.

— Значит, точно убили.

Не хотела она продавать дом. Дочь уломала.

В город Люська уехала сразу после школы. Неиспорченная девчонка росла. Не красавица, но работящая. У себя на комбинате в ударницы выбилась, на Доске почёта висела. Медалью наградили и в партию приняли. Но не зазналась, родителей навещала, приезжала в огороде помогать и весной, и осенью. Когда родила, квартиру дали. Маленькую, на первом этаже, но всё-таки успела получить до перестройки. Ещё бы год проволынили, так бы в общезитии и застряла. За то, что без мужа родила, Галина её не попрекала— не век же в старых девах маяться, природа требует, а возраст уходит. Стыдно, конечно, да не всем удача выпадает, даже красавицы матерями-одиночками остаются.

Мальчишка подрастал, и дочь забеспокоилась о расширении жилья. Приехала к ней в деревню, до вечера продёргивала морковку, помогала поливать, а когда сели ужинать, достала привезённую

бутылку вина и, помявшись, выложила свои заботы. Предложила продать дом и переехать к ней. Не думала Галина о переезде в город, даже на старость не загадывала. А тут—вдруг, сразу—аж голова заболела. Но дочь умоляла поторопиться, потому что квартиры в городе стали резко дорожать—через полгода запросят такие деньги, которых нигде и никогда не найти.

Страшно было отрываться от родной земли, не представляла, как будет жить в чужом городе, но и родной кровинке как откажешь? Если на свет произвела, значит, обязана заботиться. Да и дом после смерти Василия стал ветшать. Раньше не замечала, а недавно обнаружила, что печка в бане прогорела и после сильного дождя угол промок, того и гляди с потолка закапает. С хозяйством вроде управлялась, да надолго ли хватит? Думай не думай, но её жизнь прожита, а Люське ещё долго мыкать и сына поднимать.

Посидели, вслакнули, а утром дочь уехала в город на работу.

С первым покупателем Люська прикатила на такси. Галина глянула на него и сразу определила, что с таким лучше не связываться: рожа слишком бандитская, такой и без дома, и без денег оставить может. Осмотр начал с бани. Галина с перепугу призналась, что печка прогорела, но пол не гниёт и банька очень жаркая, хорошо держит тепло. Надо бы промолчать, а этот сразу же прицепился к несчастной печке, вроде как на другой день намылился париться. Цену начал сбивать. Наглый, напористый. Галина боялась, что Люська дрогнет, но та не уступала. Некуда было отступать. Пообещал подумать и перезвонить, если ничего лучшего не найдёт. Сел в такси и поехал вдоль деревни. Когда остались одни, хотела высказать дочери, что она вроде и пообтёрлась в городе, а в людях разбираться не научилась—путается с кем попало, то же самое подумала и об отце её ребёнка, но посмотрела на измученное и расстроенное лицо дочери и принялась успокаивать.

Второй покупатель был кавказец. Вежливый, заглядывающий в глаза и уступающий дорогу, но кавказцам она не доверяла. Пусть и усадьбу нахваливал, восхищался порядком (хотя порядка и не было), радовался, что много земли, на которой можно выращивать овощи для его киоска. Планы строил, но она чувствовала, что не сговорятся. И не обманулась. Когда дело дошло до денег, выяснилось, что рассчитывать он надеялся по частям. Дочь это не устраивало.

Зато с третьим повезло. Он ей сразу глянулся. Мужичонка вроде и мелковатый, но крепенький, и видно, что с характером. Отца чем-то напомнил. Деньги обещал перечислить хоть завтра, очень уж ему понравилось, что участок выходит на берег озера. Заявил, что облагородит берег, привезёт песок и устроит купальню. Когда она пригласила

посмотреть избу, небрежно отмахнулся: чего, мол, смотреть, если сносить собрался? Легко так сказал, словно о пустяке каком-то. Она даже обиделась за свой дом и подумала: это какие же надо деньги иметь, чтобы так небрежно разбрасываться! Но у него было условие: избу он снесёт ещё до осени, чтобы к зиме подвести новый дом под крышу. Успокоил, что за урожаем переживать не надо, бригада у него вымуштрованная, ничего не затопчут.

Оказалось, что Люська времени даром не теряла. У неё уже были договорённости и на свою квартиру, и на новую. За восемь дней с переездом управилась. На хорошую, с современной планировкой, денег не хватило, но дочь и этому рада была. И Галине досталась маленькая радость: в старой пятиэтажке имелись подвальные ячейки для каждого хозяина—будет куда картошку привезти.

Но тревога не уходила. А как быть со своим хозяйством? И голова раскалывалась, и сердце надрывалось. Корову они продали, когда заболел Василий. Но чушку держала и курей шесть штук. И барахла за долгую жизнь скопилось. Из мебели в новую квартиру Люська разрешила взять только диван, стол и пару табуреток. Что продала, что раздала соседям, что-то просто выставила за ограду—сердце кровью обливалось.

Смотреть, как рушат родной дом, сил не было. Неделю на огороде не показывалась, а когда приехала, на месте дома был котлован, в котором успели поставить бетонные блоки фундамента. Даже брёвна увезли, чтобы не мешали стройке. С уважением подивилась хватке нового хозяина.

На огороде не насвинячили. Заметила, что наведывались в огуречную грядку, но плети не поломали. А огурцов было не жалко, их всё равно девать некуда в городской квартире. Вдыхай не вздыхай—дело сделано.

Когда копала картошку, рабочие на новостройку не приезжали. Урожай удался. На зиму заделёе будет: набрала ведёрко, вышла к магазину—и какой-то доход получила. Не сидеть же целый день в четырёх стенах.

Картошку вывезла, ранетку собрала, а строители так и не появились. Попросила дочь позвонить хозяину, но та не смогла дозвониться. Уже в октябре, когда на огороде всё убрала, съездила из любопытства, увидела лужу на дне котлована и вернулась город. Не знала, что и думать.

И весной хозяин не объявился. Пропал человек. Дотерпела до середины июня—земля пропадала без дела. Повздыхала и решила рискнуть, посадить, пока землю осотом да лебедой не забило, хотя бы три сотки. Для себя и немного на продажу. У дочери на комбинате начались перебои с зарплатой, а в мае вместо денег выдали материал для простыней, продавать предложили—а кто его купит, когда на еду не хватает?

Первое время шла рядом с мужиками, пере-
кладывая сумку из руки в руку. Помощи Мишка
не предложил. Дачник был моложе, длинноногий,
и понемногу стал удаляться от них.

— Не жалеешь, что дом продала?

— Жалей не жалей, назад не вернёшь.

— Как в городе-то живётся?

— А как в деревне?

— Да хреново.

— А в городе и того хуже.

— Это понятно. У нас хоть хозяйство помогает, а в
городе всё из магазина. А чего едешь-то—соску-
чилась?

— Картошку решила посадить. Не пропадать же
земле. Прошлой весной машину навоза вбухала.

— А покупатель так и пропал?

— Люська раз пять звонила, трубку не берёт.

— Говорю тебе—убили. У них, бандитов, это за-
просто.

— Какой он бандит? Порядочный человек, деньги
сразу перевёл, не обманул. Заплатил, не торгуясь.

— Значит, точно бандит или жулик. Ворованное не
экономят. В нашем магазине продукты дороже, чем
в городском, вот и мотаюсь, сахара купил да гречки.

— Самогонку гнать собрался?

— С чего ты взяла?—испуганно выпалил Мишка.—
На варенье. Впрок запасуюсь, цены-то вон как ра-
стут. Зарплату рабочему классу не задерживают?

— Задерживают. А бывает, что и совсем не платят.

— Слышал, слышал.

— А если знаешь, зачем спрашиваешь?—не хоте-
лось разговаривать.

Сумка с каждым шагом делалась тяжелее и
тяжелее. Галина остановилась передохнуть. Мишка
чуть задержался возле неё и зашагал дальше, потом
оглянулся.

— Ладно, пойду, мне всё одно скоро сворачивать.
Если буду рядом с твоим полем и шпану какую
замечу, обязательно шугану.

Успокоил, называется. До поворота на его тропу
ещё около километра, мог бы и пособить. Забыл,
как намёками в краску вгонял и руки распускать
пытался. Теперь, наверное, радуется, что не подда-
лась: баба с возу—кобелю легче. Вышагивает, даже
не оглядывается. Мужик называется. И водитель
автобусный тоже мужик. Выбросил среди дороги—
ни стыда, ни совести. Что с того, что льготники?
Они эту льготу горбом зарабатывали. Государство
обязано долги отдавать. А этому и на стариков на-
плевать, и на обязанности. Ни уважения, ни страха.

Разнервничалась, сумка пальцы разгибает.
Остановилась передохнуть. Спина Мишки уже
скрылась за поворотом—быстрый на ногу, и годы
не берут. Постояла, подхватила сумку и дальше
поплелась. Потом ещё два раза останавливалась.

Когда подошла к фундаменту, который мыс-
ленно продолжала называть «своим домом», при-
села на шершавый прохладный бетон отдышаться,

открыла сумку, чтобы достать квасу, но не нашла
бутылку. Оставила дома на столе, пока перегру-
жала картошку из рюкзака. А ведь специально на
видное место поставила. Не задался день! Посмо-
трела на дружно цветущую ранетку и подумала,
что осенью можно было бы вместо кваса съесть
сочную «уралку» или горсть кислицы. Подумала,
если хозяин не объявится, надо обобрать яблони
и смородину на продажу. Да если даже и вернётся,
ему, с его замашками, её ранетки без надобности.

Работала не разгибаясь и всё равно не успела
высадить всё, что привезла. Когда глянула на часы,
до отхода автобуса оставалось совсем ничего.
Кое-как прикопала оставшуюся картошку, но
когда спрятала лопату, увидела, что из-под кучи
выглядывают три белых клубня с ростками. Сапо-
гом нагрела на них земли и побежала. Пришлось,
чтобы не опоздать. Успокоилась, когда увидела
народ на остановке. Встала отдышаться. Пока
работала, и на небо было некогда посмотреть,
а тут подняла голову и перепугалась—над ней
висела тяжёлая чёрная туча.

Автобус опаздывал. Поджидало его около де-
сятка дачников. Своих, деревенских, вроде как
не было, да и зачем им на ночь ехать в город? На
конечную автобус ещё не проходил. Опоздания
случались частенько, поэтому задержка пока тре-
вожила меньше, нежели туча.

— Я утром прогноз слушал,—сказал пожилой
мужчина в красной бейсболке,—обещали хоро-
шую погоду, без осадков.

— Мало ли что они наобещают,—возразила тол-
стая дама в тесном спортивном костюме, явно
доставшемся от дочери.—Врёт ваше радио!

— Не всегда. Сегодня читал прогноз Бердников.
Другие дикторы врут, а Бердников никогда не
обманывает.

Сразу после его слов хрястнул длинный рас-
катистый гром.

— Ну и где же ваш честный Бердников?

— Ничего страшного, погремит и успокоится,
дождя-то пока нет. А вот автобуса, пожалуй, уже
не будет.

— Три дня назад полчаса простояла и на дачу верну-
лась. Не любят они по этой разбитой дороге ездить.

— И нас сегодня двухчасовой на перекрёстке
выбросил,—пожаловалась Галина.

— Как выбросил?

— Сказал, что сломался, а когда мы отошли, раз-
вернулся и уехал.

— Завтра доберусь до города и обязательно по-
зову в диспетчерскую. Распустились.

— Звоните, могут послать куда подальше, могут
извиниться, а толку никакого. Вы что, забыли, что
у нас демократия?—фыркнула дама.—Я, пожа-
луй, на дачу возвращаюсь, автобуса не будет, а
дождь,—добавила для мужчины в бейсболке,—
обязательно будет.

За ней потянулись остальные. Галина осталась одна. Можно было воротиться в деревню и попроситься на ночлег к бывшей соседке, да стыдно стало. Три километра с пустой сумкой не так и страшно, дальше хаживала—не старуха ещё, пока всего шестьдесят один.

Бодрилась, а ноги-то гудели, утопталась, целый день без передыха. Мимо проезжали машины. Но никто не останавливался. Голосовать она даже не пробовала—денег не было.

Не успела пройти полпути—и начался дождь, тихо, без грома, сначала редкий, даже тёплый, как ей показалось, но очень скоро набрал силу. Она прибавила ходу. Да как прибавишь, если ноги ватные? А дождь вошёл в раж и хлестал уже безжалостно. Зонтик она не брала, не хотела тащить лишний груз, и укрыться было негде—голая дорога. Подумала, что прикопанную картошку обязательно размочит, значит, утром придётся ехать, досаживать. На пару с Люськой управились бы за день. Да нельзя ей—работа. Только работа какая-то дурная: зарплату не дают, а дисциплину требуют.

Машины, спасаясь от дождя, мчались в город, не снижая скорости. Брызги от колёс летели далеко на обочину. Одна из машин угодила в выбоину,

и Галину окатило по пояс грязной волной, даже в сапоги попало. Другая при обгоне выскочила на край дороги. Галина с испугу попятилась, загнулась и упала на спину. Лежала с закрытыми глазами, не совсем понимая: жива ли? А когда поняла, что жива, подумала: а, может быть, лучше бы насмерть сбили и не надо было бы тащиться до проклятой остановки. Она даже глаза закрыла и руки вдоль тела вытянула, но тут же спохватилась: а как же Люська с внуком без её помощи и без её пенсии? Пропадут. Заставила себя подняться. Осторожно сделала первый шаг, удостоверилась, что ничего не сломала и не ушибла. Некстати вспомнилась детская присказка: «Дождик, дождик, перестань, мы поедем в Эристань—Богу молиться, Христу поклониться». Только где она, неведомая Эристань, в которой можно поклониться Христу и попросить его, чтобы дожди подчинялись прогнозам и автобусы ходили по расписанию? Она машинально перекрестилась, но дождь не затихал. Хлестали струи, пробивая насквозь промокшую куртку, летели брызги из-под колёс. Вода по асфальту текла сплошной рекой, и ей вдруг подумалось, что эта река уносит остановку всё дальше и дальше от неё.